

Р.Л. Красильников

Общеобразовательная школа Центра педагогического мастерства, г. Москва

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА В.Л. АНДРЕЕВОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена автобиографической прозе Веры Леонидовны Андреевой (1910–1986), дочери Леонида Николаевича Андреева, как источнику информации об истории культуры XX века, в том числе судьбе семьи писателя, ее участии в жизни русской эмиграции первой волны.

Автобиографическая проза, Вера Андреева, Леонид Андреев, русская эмиграция первой волны, источниковедение, история культуры.

Источники личного происхождения XX века невозможно признать хорошо изученными. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, их круг до сих пор недостаточно полноценно исследован и даже плохо очерчен, поскольку практически каждый год обнаруживаются и публикуются новые подобные тексты, в особенности созданные авторами, как говорится, не «первого ряда», а накопленный корпус этих текстов (например, собранный на ресурсе «Прожито», создаваемом Европейским университетом в Санкт-Петербурге [17]) еще ждет пристального рассмотрения. Во-вторых, сама природа этих материалов не совсем прояснена: обычно они считаются лишь вспомогательными для изучения судеб и произведений наиболее известных персоналий, в то время как многие из подобных сочинений действительно имеют художественную ценность.

В данной статье мы рассмотрим один из таких источников – автобиографическую прозу Веры Леонидовны Андреевой-Рыжковой (1910–1986). Писательница находится в «тени» своего отца, Леонида Николаевича Андреева, а ее произведения используются, как правило, для лучшего понимания облика этого представителя Серебряного века. Мы же сконцентрируем наше внимание на самой Вере Леонидовне и на ее текстах, на наш взгляд талантливо написанных, дающих интересную информацию о различных аспектах истории культуры XX века.

Жизненный путь Андреевой тесным образом связан со многими событиями прошлого столетия. Она родилась 12 (25) мая 1910 года в Петербурге в семье Л.Н. Андреева и его второй жены Анны Ильиничны (урожденной Денисевич). Ее детство (описанное в повести «Дом на Черной речке») прошло в дачном доме писателя в Ваммельсуу (ныне поселок Серово).

После революции семья Андреевых попала в вынужденную эмиграцию: принадлежавшие им земли оказались расположенными за пределами новообразованного советского государства, на территории обретшей независимость Финляндии. В 1919 году умер Леонид Николаевич, и Анна Ильинична вместе с тре-

мя детьми (Саввой, Верой и Валентином), стремясь обеспечить им более благополучное будущее, в 1920 году отправилась в другие европейские страны. В начале Андреевы жили в Германии (в основном в Берлине), затем в Италии (в основном в Риме), в Чехословакии (семья поселилась в деревне Вшеноры, дети учились в русской гимназии в Праге) и во Франции (в основном в Париже). В 1926 году Вера Леонидовна приняла решение повторно отправиться в Чехословакию, чтобы завершить обучение в гимназии, и начала самостоятельную жизнь (время от времени навещая остальных членов семьи, проживавших во Франции). Через десять лет, в 1936 году, она вышла замуж за эмигранта Григория Семеновича Рыжкова, с которым вместе училась. Они прожили пятнадцать лет в Праге и восемь в Остраве, у них родилось трое детей (Наталья, Андрей и Ирина).

В 1950-х годах семья Андреевых-Рыжковых задумалась о переезде в Советский Союз. Они написали письмо с соответствующей просьбой маршалу К.Е. Ворошилову, который когда-то учился у отца Григория Семеновича. В 1960 году они переехали в СССР и поселились в Орле, недалеко от родного дома Л.Н. Андреева. В 1961 году Григорий Семенович трагически погиб на стройке, Вера Леонидовна снова попросила помощи у Ворошилова и обосновалась вместе детьми в Москве, где прожила до своей смерти в 1986 году [8; 10, с. 365–366].

Андреева публиковала рассказы и статьи в различных изданиях, в том числе в «Орловской правде» и в «Литературной газете». Однако основными ее произведениями стали две книги воспоминаний, которые и стали материалами для нашего исследования. Первая – повесть «Дом на Черной речке» – выходила отдельным изданием в 1974 и 1980 годах [2; 3]. Она посвящена событиям, происходившим с 1918-го по 1920-й годы, в том числе смерти отца. В 1986 году повесть была опубликована в составе сборника, название которому дал роман «Эхо прошедшего», являвшийся продолжением автобиографии писательницы [4]. В нем повествуется о событиях от отъезда из

Финляндии в 1920 году до 1926 года, когда Андреева решила вернуться в Чехословакию, чтобы начать самостоятельную жизнь отдельно от матери.

Каковы особенности анализируемых источников?

Во-первых, «Дом на Черной речке» и «Эхо прошедшего» – автобиографическая проза. Она соответствует определению этого жанра, данному Ф. Леженом: «ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном существовании», делающего «особый акцент на истории своей личности» [11, с. 261–262]. Действительно, рассматриваемые произведения посвящены в первую очередь становлению личности Андреевой в определенном окружении и в определенных обстоятельствах, связанных с воспитанием в семье известного писателя, регулярными контактами с творческой элитой, эмиграцией и вынужденными путешествиями по Европе, столкновениями с другими культурами и попытками адаптироваться к ним. Если обращаться к типологии Н.А. Николиной, то перед нами «воспоминания, тяготеющие к беллетризованной форме (содержащие, например, образные характеристики описываемых реалий)» [12, с. 12]. Такая классификация подтверждается авторским определением изучаемых произведений как повести и романа и самой стилистикой источников. В связи с этим необходимо помнить об особенностях субъектной организации автобиографической прозы: «...Создавая мнемонический текст, вспоминающее “я” выступает в трех функциях одновременно – автора как исторической личности, субъекта, ведущего рассказ о собственной жизни, и героя или объекта рассказа, называемого также протагонистом. Это отличает данный вид литературы от других и определяет ее абсолютный эгоцентризм и субъективную сложность» [13, с. 111]. Нескрываемая беллетризованность, художественность прозы Андреевой, безусловно, накладывает свой отпечаток и на отражение в текстах историко-культурных проблем и отличает рассматриваемые материалы от написанных, например, в документальной, хроникальной манере.

Во-вторых, примечателен очевидный разрыв между временем непосредственного восприятия автором 1910–1920-х годов и временем написания произведений (1974–1986 годы). Вероятно, поэтому в прозе Андреевой часто присутствует рефлексия по поводу увиденного и прочувствованного, нередко с точки зрения более старшего возраста. Претерпело ли изменения ее восприятие пережитого с течением времени? На этот вопрос невозможно дать однозначный ответ.

В-третьих, неясна до конца природа особого пафоса андреевской прозы – светлого и оптимистического. Он противоречит общей тональности эмигрантского наследия, наполненного тоской по утраченной родине и ощущением неспособности адаптироваться к чужим культурам. Эта проблематика, безусловно, есть и в произведениях Андреевой, однако в целом книги наполнены юмором, иронией, самоиронией, радостным мироощущением, несмотря на все трудности, связанные со смертью отца, переездом за границу, сменой учебных заведений и мест проживания, в дальнейшем поиском работы, ностальгическими воспоминаниями не только о России, но и о детстве, частично проведенном на финской терри-

тории. Судя по тому, какой драматизм и даже местами трагизм характерен для книги «Детство» единокровного старшего брата Андреевой Вадима [1] (посвященной 1907–1919 годам), оптимистическое восприятие жизни было отличительным свойством писательницы, обусловленным счастливыми (по ее мнению) детством и юностью, когда, как известно, адаптация к меняющимся обстоятельствам проходит быстрее и проще.

В-четвертых, книги создавались (или редактировались) после переезда Андреевой и ее семьи в СССР и публиковались в издательстве «Советский писатель». Возможно, поэтому в «Эхе прошедшего» практически отсутствует политический дискурс и встречаются (правда, совсем незначительные по объему) похвалы советской России и противопоставление ее европейским странам, например: «Стоя где-нибудь на перекрестке Больших бульваров, глядя на мельтешащие толпы всяких иностранцев, глазающих по сторонам, рабочего люда, торопящегося по своим делам, бездельников, фланирующих по улицам своего обожаемого Парижа, я чувствовала себя бесконечно чужой, никому не нужной и не интересной. Я была уверена, что в той, другой стране я не буду никчемно стоять в стороне, что перестану быть глупой и тупой, никому не нужной “рослой девицей в теннисных туфлях”... Почему я была так уверена, что в России такими мелочами не заняты? Откуда, совершенно ничего не зная о положении вещей в России, о жизни и работе тамошних людей, я черпала уверенность, что там процветает и искусство, и высшие интересы, что там весело и дружно живет все? Я это чувствовала всем русским существом своим, я понимала, что только там есть родные мне, близкие люди» [4, с. 340]. Вместе с тем даже по приведенной цитате очень трудно оценить степень ангажированности автора: думала ли она так сама или отдавала должное власти, предоставившей Андреевой возможность переехать вначале в Орел, а потом в Москву.

Наконец, отметим, что, судя по интервью Ирины Григорьевны Андреевой-Рыжковой, дочери писательницы, по крайней мере роман «Эхо прошедшего» был опубликован в сокращенном варианте: «Когда договор был уже подписан, позвонили из издательства и потребовали сократить треть (!) от общего объема в тысячу страниц. К тому времени мама была уже смертельно больна. Повесив трубку, мама сказала, что сделать этого не сможет, нет сил. И тут я осмелилась предложить моей маме сделать это. Никто не знает, как было мне тяжело сокращать по тексту мамины фразы, мысли, абзацы – я ведь была уверена (и до сих пор так считаю), что мамину книгу вообще не нужно редактировать» [9]. К сожалению, полный текст произведения опубликовать (и обнаружить) так и не удалось, и мы не знаем, каких сторон источников коснулась редакция, а возможно, и цензурирование.

Таким образом, констатируем, что перед нами источники с простой историей и на них влияли различные факторы субъективного и объективного свойства. Другими словами, мы имеем дело с рассказчиком, которого не всегда можно признать «надежным».

Учитывая все рассмотренные выше характеристики интересующего нас источника, обратимся к тем

реалиям XX века, которые нашли отражение в книгах Андреевой.

Прежде всего, это детство, описываемое как в «Доме на Черной речке», так и в «Эхе прошедшего». Автор рассказывает об особенностях своего воспитания и образования, круге чтения, играх, укладе и ценностях семьи, деталях материального быта и т.д. Одни описываемые реалии можно считать типичными для эпохи, другие – нетипичными, обусловленными статусом и финансовыми возможностями Л.Н. Андреева и его близких.

Начиная с названия и с первых страниц повести «Дом на Черной речке» основным предметом описания становится массивный двухэтажный особняк, который писатель шутливо называл «Аванс»: «Дом был построен молодым архитектором Андреем Андреевичем Олем, папиным другом и родственником, – Оля был женат на папиной сестре Римме. Папина фантазия задумала создать дом, похожий на старинный норвежский замок, – весь из толстых сосновых бревен, с башней, откуда открывался бы широкий вид на окрестности, на Финский залив, на Кронштадт» [4, с. 23]. «Вилла» становится символом детства в самом начале повести (в лирическом изложении сна о ней) и знаком безвозвратно ушедшего прошлого в финале, где цитируется письмо брата Саввы, в 1936 году во время гастролей приехавшего навестить родные места и констатировавшего уничтожение особняка. Вера Леонидовна повествует о различных уголках этого дома, в том числе о детской, о кабинете (где происходит таинственная ночная жизнь отца), о библиотеке, внося свой вклад в память об уникальном утраченном памятнике, который сейчас сам по себе является объектом для изучения [6].

Неменьший интерес представляет и описание окрестностей вокруг дома на Черной речке, связанных с разнообразными повседневными детскими занятиями: двора, дорожек к заливу, берега, моря, близлежащих дач и деревень. Главная героиня участвует во всех проделках своих братьев: они строят капканы и волчьи ямы по заветам Э. Сетона-Томпсона (пока в одну из них не попадает их бабушка), возводят вулканы (пока Савва не получает сильный ожог), отправляются в плавание на лодке (пока их не застает отец), издеваются над животными (пока не поражаются видом испуганного петуха), громят мебель в оставленных домах (пока их не ловит сторож), воруют ягоды у соседей, враждуют с финскими мальчишками, катаются на санях с горы и т.д.

Детская повседневная жизнь того времени была немислима без чтения. В круг читательских интересов Веры входят в основном приключенческие романы Л. Буссенара, А. Дюма, Дж. Ф. Купера, Дж. Лондона, М. Рида, Г. Р. Хаггарда и др. Кроме того, она читает популярные тогда книги для девочек: «Лидия Чарская со своими падающими в обморок слезливыми институтками возбуждала острое презрение мальчишек, – чтобы не уронить себя в их глазах, я вслух тоже глумилась над героинями Чарской, но втайне любила несчастную и гордую княжну Джаваху и очень жалела бедную институтку Лиду, так страдавшую – за что? – от ненавистной мачехи» [4, с. 18]. В ней как читательнице возникают внутренние противоречия,

например относительно книги Б. де Сент-Пьера «Павел и Виргиния»: «Само повествование было мне не понятно описанием чувств не совсем братских, которые питал Павел к своей сестре Виргинии, – и недаром, потому что в конце она оказалась вовсе не сестрой ему, и роман кончается свадьбой, – на мой взгляд, совершенно неинтересно. Запомнилась только роскошная природа какого-то тропического острова и замечательное описание бури, когда Павел спасает Виргинию с тонущего корабля» [4, с. 61].

Частью детских воспоминаний, конечно же, становится семья писательницы. Прежде всего, Вера Леонидовна рассказывает о разнообразных занятиях своего отца. Его писательская деятельность кажется восьмилетней девочке таинственной и непонятной: «Всем известно, что он работает, пишет сочинения, я тоже это знаю, хотя не совсем себе представляю, в чем заключается этот процесс. Сколько раз я захожу в папин кабинет, стараясь увидеть там следы его деятельности, но там пусто, прибрано, только на огромном письменном столе стоит пишущая машинка “Ремингтон”» (Там же, с. 16). Лишь потом, когда Вера увидит постановки по пьесам отца в зарубежных театрах и почувствует к себе как к «дочери Андреева» особое отношение, она будет понимать значение того, что создавалось писателем.

Еще одним важным увлечением для Л.Н. Андреева было увлечение цветной фотографией: «Он выписывал пленки откуда-то из-за границы, у него был большой фотографический аппарат на длинных ножках, который он приносил, как только видел что-нибудь примечательное. Он без конца снимал каждый уголок нашего дома и всех родных и знакомых. В период увлечения фотографией в доме только и слышно было разговоров, как о негативах, позитивах, фиксажах и проявителях. Говорилось об освещении удачном и неудачном, об игре света на носу какого-нибудь гостя, и частенько случалось, что папа срывался из-за стола, тащил аппарат, гостя усаживали на фоне какой-нибудь пальмы, и сконфуженно улыбаясь, тот покорно поворачивался, куда ему приказывали, а папа шелкал аппаратом и восторженно кричал: “Ты только посмотри, Аня, какой эффектный свет! Вот это будет снимочек!”» (Там же, с. 25).

Л.Н. Андреев также увлекался изобразительным искусством: восхищался творчеством Микеланджело, И.Е. Репина и В.А. Серова, копировал произведения Ф. Гойи, создавал свои картины: «В холле наверху висела картина, нарисованная папой разноцветными мелками. Это головы Иисуса Христа и Иуды Искариота. Они прижались друг к другу, один и тот же терновый венец соединяет их. Но как они непохожи!» (Там же, с. 27).

Кроме того, Вера Леонидовна рассказывает об интересе отца к морю и кораблям: «Среди этого множества выделялась большая моторная лодка, потом уродливый и неуклюжий баркас с надписью, выведенной белыми буквами, – “Хамоидол”, нечто длинное и зеленое под неблагозвучным именем “Сопля” и крошечный тузик “Лягушонок”. Иногда к пристани пришвартовывалась яхта “Савва”, которая с трудом пробиралась через мелководные места Черной речки, в то время как большая морская яхта “Далекий” при-

нуждена была стоять у причала яхтклуба в Або» [4, с. 34].

Л.Н. Андреев предстает в воспоминаниях дочери как «остроумный и веселый старший друг, учитель и озорной товарищ» (Там же, с. 15). Текст свидетельствует о многих его поступках и выдумках, создававших неповторимую атмосферу в семье: он то рассказывает сказку про страшных хабьясов (из одноименной сказки С.В. Праудфита, известной в России в переводе В.В. Каррика), то пишет на темной комнате для фотографических работ «Палата № 6», то учит Савву свистеть, то устраивает розыгрыши для бабушки. Такой взгляд разрушает сложившийся стереотип о писателе как об исключительно серьезном и тяжелом человеке.

В то же время Вера Леонидовна вспоминает внезапные перемены в настроении отца, неожиданные переходы от веселья и шутливости к мрачности и молчаливости. В 1919 году Л.Н. Андреев умирает, и автор описывает произошедшее со своей точки зрения – девочки, невольно обращающей большее внимание на поведение других людей, с трудом пытающейся разобраться для себя в значении того, что случилось: «Но Савва перестал играть с нами. Вадима не было видно совсем. Мы с Тином были как-то странно одиноки. В доме сделалось пусто, скучно» (Там же, с. 82).

Нельзя не признать, что воспоминания Веры Леонидовны помогают нам лучше представить последние месяцы жизни Л.Н. Андреева, проливают свет на малоизвестные стороны его личности, на важные детали его разнообразного творчества.

Большое количество страниц анализируемой автобиографической прозы посвящено матери писательницы, Анне Ильиничне. Она предстает непреходящим помощником отца в его делах и увлечениях: «Мама сопровождала его повсюду. Она умела разбираться в метеорологии, точно определяла погоду на завтра, силу и направление ветра и гребла не хуже любого балтийского матроса» (Там же, с. 35). «Служение» мужу приводило к недостатку внимания относительно других членов семьи: «Ей не только не хватало времени на поддержание отношений с родственниками, но даже собственные дети мало видели ее – вечно занятую, озабоченную, строгую» (Там же, с. 46). По мнению Веры Леонидовны, ее мать стала органической частью той художественной среды, которая образовалась вокруг Л.Н. Андреева: «Очень образованная, всесторонне эрудированная, мама находила себе собеседников среди писателей и художников, бывавших у нас, и всегда находила больше удовольствия в разговоре с мужчинами, чем в праздной болтовне женщин» (Там же, с. 47).

После смерти мужа Анна Ильинична взяла на себя все заботы относительно семьи, решив переехать с детьми из Финляндии вначале в Германию, потом в Италию, Чехословакию, Францию (в конце концов в США). Она смогла воспользоваться наследием Л.Н. Андреева, чтобы обеспечить хотя бы временно относительно безбедное существование своих близких: «Маме обязаны мы были тем, что жизнь протекала в достатке. Это она поддерживала связь со многими странами, переписывалась с издательствами, которые переводили и издавали произведения отца.

Слово “писательница” по-французски переводится, как “фамм де леттр” – женщина писем. Мама говорила, что она “фамм де леттр” не в переносном, а в прямом смысле: в самом деле, такое количество писем на разных языках» [4, с. 160–161]. Имеющиеся средства позволяли Анне Ильиничне по возможности помогать другим русским эмигрантам, например Саше Черному и его супруге, бывшей фрейлине императрицы Марье Ивановне, которая за комнату и еду занималась обучением детей Андреевой (Там же, с. 203).

Анна Ильинична много общалась с М.И. Цветаевой, которая так писала о своей подруге: «Никто ведь не судит богатых, у которых няньки и бонны, или счастливых, у кого – бабушки, почему же меня судят? А судят все – кроме А.И. Андреевой (помните ее? как она танцевала на вшенорском вокзале, от радости, что – хорошая погода??), которая меня по-настоящему любит и понимает и которую судят – все» [16, с. 96]. В этом же письме поэтессы А.А. Тесковой (от 26 мая 1934 года) мы читаем о трудностях, возникших у семьи Андреевых в указанный период: «...А. А. держит чайную при балете Иды Рубинштейн и невероятным трудом зарабатывает 20–25 фр. в день, на которые и содержит своих – себя и ту безработную семью. Живут они в Кламаре, с вечера она печет пирожки, жарит до 1 ч. ночи котлеты, утром везет все это в Париж и весь день торгует по дешевке в крохотном загоне при студии Рубинштейн, кипятит несчетное число чайников на примусе, непрерывно моет посуду, в 11 ч. – пол, и домой – жарить и печь на завтра...» (Там же, с. 97).

Вера Леонидовна также свидетельствует о дружбе своей матери с Татьяной Львовной Толстой, дочерью Л.Н. Толстого: «...она с бесконечным уважением относилась к ней не только как к живой продолжительнице рода Толстых, столь верно повторяющей внешность и манеры отца, но и как к необыкновенно умной, эрудированной женщине, с которой можно было часами беседовать на всевозможные темы, как абстрактные, так и сугубо житейские» [4, с. 380]. Примечательно, что последние годы своей жизни Анна Ильинична провела на Толстовской ферме, созданной под Нью-Йорком другой дочерью Л.Н. Толстого – Александрой Львовной [5].

Таким образом, Анна Ильинична в воспоминаниях своей дочери предстает фигурой, сыгравшей важную роль в сохранении и популяризации наследия Л.Н. Андреева (ею был вывезен и сохранен архив мужа), а также в жизни русской эмиграции первой волны.

Спутниками Веры на протяжении практически всего ее детства также были ее братья – старший Савва (Савва) и младший Валентин (Тин). С ними она проводит много времени и в доме на Черной речке, и в эмиграции. Савва был «поразительно красив – смуглый, черненький, с карими глазами» и «избалован ужасно» [4, с. 20]. Вера без зависти относится к привилегированному положению старшего брата в семье: родители его берут с собой в путешествия, мать возлагает на него наибольшие надежды. Рассказчице ближе по положению в семье Валентин, «большой плут», «инициатор всех проказ», «угловой житель» (из-за частого наказания стоянием в углу) (Там же), а впоследствии неизменный спутник сестры в прогулках по европейским городам.

Есть в повести страницы, посвященные сыновьям Л.Н. Андреева от первой жены, Александры Михайловны, умершей в 1906 году, – Вадиму и Даниилу. Первому из них поручили образование детей: «Учителем Вадим был весьма суровым и требовательным. Его система заключалась в том, что он не обременял нас грамматикой, а заставлял много читать, рассказывать прочитанное и писать диктовки и сочинения» [4, с. 21]. Вера Леонидовна также вспоминает о встрече с Вадимом в эмиграции: он к тому времени стал «независимым», «элегантным» поэтом, читавшим свои стихи «просто, без всякого пафоса» (Там же, с. 165–166). О втором единокровном брате Данииле писательница рассказывает очень мало, поскольку он воспитывался в другом доме, у родных своей матери.

Как видим, анализируемые тексты содержат важную информацию о детях Л.Н. Андреева, жизнь и деятельность каждого из которых заслуживают отдельного исследования. Как известно, Вадим стал известным писателем и поэтом, участником французского Сопротивления, одним из помощников А.И. Солженицына, переправлявших его произведения на Запад [14, с. 74–77]. Даниил, пройдя испытание ГУЛАГом, прославился, прежде всего, мистическим трактатом «Роза Мира» (Там же, с. 78–82). Савва учился танцевальному искусству у М.М. Фокина и О.И. Преображенской, гастролировал в составе различных балетных трупп по всему миру, служил почти 30 лет в одном из театров Буэнос-Айреса [15]. Валентин тоже занимался балетом, работал картографом, переводчиком, сохранил значительную часть архива Л.Н. Андреева [7].

Автобиографическая проза Веры Леонидовны наполнена образами и других членов семьи: бабушки Анастасии Николаевны, матери Л.Н. Андреева, его братьев (Павла, Всеволода, Андрея), его сестры Риммы. Значительное место в воспоминаниях занимает тетя Наташа, жена дяди Всеволода, взявшая на себя обязательства по воспитанию детей писателя. В эмиграцию с семьей Л.Н. Андреева отправилась и дочь Анны Ильиничны от первого брака Нина, вызывавшая у рассказчицы зависть своей взрослостью. В Италии героиня повествования живет рядом с сестрой Анны Ильиничны тетей Толей (Викторией Ильиничной), вышедшей замуж за «полуфранцуза-полуйтальянца», к ним в Рим приезжает погостить бабушка по маминей линии Анна Яковлевна, профессор скульптуры и архитектуры. За таким кратким перечислением «второстепенных персонажей» воспоминаний, конечно же, стоят интереснейшие человеческие судьбы, отражающие многие перипетии XX века, и автор старается хотя бы примерно обрисовать эти судьбы пусть и в нескольких абзацах.

В произведениях Веры Леонидовны также можно найти немало примечательной информации о различных выдающихся деятелях культуры, которые так или иначе были связаны с семьей Андреевых. В «Доме на Черной речке» это в основном соседи писателя, тоже приобретшие землю и построившие дачи в когда-то престижном для состоятельных петербуржцев месте. После смерти отца будущая мемуаристка провела лето в «Пенатах» И.Е. Репина и поэтому посвящает несколько страниц устройству усадьбы, особенностям личности и таланта художника и взаимоотношениям в

его семье, например: «Восьмидесятилетний старик был еще удивительно бодр и настолько закален, что даже в море купался чуть ли не до первых заморозков. Сон на свежем воздухе, можно сказать, под открытым небом, также способствовал укреплению здоровья Ильи Ефимовича. Он жил в своих “Пенатах” с дочерью Верой Ильиничной – старой девой со многими странностями» [4, с. 101].

В эмиграции количество встреч со знаковыми для русской культуры фигурами увеличилось, да и смотрит на эти встречи повзрослевшая девушка гораздо более осознанно. Автор с теплым чувством вспоминает о том, как в их доме в Риме жили Саша Черный и его супруга Марья Ивановна, рисует выразительный портрет поэта: «Саша Черный был полной противоположностью своей маленькой жене – высокого роста, с покатыми плечами, с почти совсем седыми свинцового цвета волосами, которые сильно контрастировали с черными бровями и поразительно живыми, молодыми темно-кариими глазами. <...> Медлительный, неуклюжий, он был беспомощен, как большой ребенок, – ничего не умел сделать сам по хозяйству, не вникал ни в какие денежные дела, во всем подчинялся железной воле Марьи Ивановны и ее неиссякаемой энергии» (Там же, с. 204).

В чехословацких Вшенорах Андреевы снимали пополам виллу «Боженка» вместе с семейством писателя Е.Н. Чирикова (Там же, с. 254), который устраивал литературно-музыкальные вечера, где выступала М.И. Цветаева (Там же, с. 272). Общение с поэтессой продолжилось во Франции, на побережье Атлантического океана, где две семьи арендовали на лето комнаты в одном и том же доме (Там же, с. 322). Вера Леонидовна пишет о дружбе с С.Я. Эфроном, но о некой презрительности со стороны Марины Ивановны. Однако впоследствии мемуаристка изменила свое мнение об отношениях с поэтессой, прочитав письмо Цветаевой В.Б. Сосинскому от 26 сентября 1926 года, процитированное в воспоминаниях: «...Очень подружилась здесь с детьми Андреевыми: Верой и Валентином, особенно с Верой. Добрая, красивая, естественная великанша-девочка, великаненок, простодушная амазонка. Такой полной природы, такого существования вне умственного, ПРИ УМЕ, я никогда не встречала и не встречу. От Психеи – ничего, ЕВА ДО АДАМА – чудесная» (Там же, с. 324). Есть в воспоминаниях Веры Леонидовны и другие важные для цветаеведения материалы, например прощальное письмо поэтессы Анне Ильиничне, наполненное благодарными словами (Там же, с. 346–347).

В прозе Андреевой содержится немаловажная информация о жизни в эмиграции К.Д. Бальмонта и его семьи, например: «Как сейчас вижу печальную картину бальмонтских будней: пасмурный туманный вечер промозглой парижской осени, безлюдная улочка предместья, на перекрестке традиционное быстро, под промокшим брезентом на тротуаре несколько круглых столиков с мраморной столешницей, железные стулья, за одним столиком в углу сидит пара, – взглядевшись, я узнаю Константина Дмитриевича: воспаленное лицо дергается, опухшие глаза мечут молнии вдохновения, рука делает широкие жесты – он что-то декламирует» (Там же, с. 349–350).

Не менее интересны свидетельства об эмигрантском периоде А.Н. Вертинского. Во время поездки на Лазурный берег Вера встречает знаменитого певца, выступающего в местном «Ирем-баре». Вертинский приглашает девушку на танец и оказывается «прекрасным танцором и очень милым собеседником» [4, с. 373]. Были и последующие краткие встречи, во время последней из которых певец признался в своей сильной тоске по родине: «Я в Россию хочу! Я не могу больше жить здесь! Я погибаю! Перед “бывшими” людьми не хочу петь! Не хочу кривляться на этом пепелище бывшей жизни! А там люди живут, дышат, смеются! Я туда хочу – я русский человек, а они заставляют меня петь по-французски» (Там же, с. 379).

Образы К.Д. Бальмонта и А.Н. Вертинского олицетворяют русскую эмиграцию, во второй половине 1920-х годов уже уставшую от разрыва с родиной, от бытовых и психологических проблем, мечтавшую вернуться обратно, в чем-то идеализировавшую Советский Союз. Однако сама Вера Леонидовна практически никогда не жалуется на судьбу, стоически и с интересом воспринимая все выпавшие на ее долю приключения.

Андреева ярко и красочно повествует о своих путешествиях и восприятии других стран. Относительно безболезненная адаптация Веры в эмиграции вполне объяснима. Семья Андреевых постоянно опосредованно контактировала с чужими культурами – через изучение иностранных языков, чтение, искусство (живопись, музыку, кинематограф), материальный быт (яхты, лодки, пишущие машинки, фотоаппараты, сани, лыжи), рассказы родителей и Саввы о поездках за границу. Уже в «Доме на Черной речке», когда Финляндия объявила независимость, Андреевы оказались в вынужденной эмиграции, и Вера Леонидовна описывает «вражду» с финскими мальчишками (Там же, с. 13).

В «Эхе прошедшего» переезды и проживание в других странах становятся основой повествования. Андреева интересно рассказывает о транспорте того времени (пароходах, поездах), о европейских городах (Берлине, Мюнхене, Флоренции, Риме, Праге, Париже и т.д.), о нравах и повседневности иностранцев (немцев, итальянцев, чехословаков, французов, американцев), о русской эмигрантской среде (русской гимназии, общении не только с известными людьми, но и со сверстниками, поисках работы), наконец, о своей рецепции увиденного, услышанного и освоенного (например, разных языков). Автор описывает не только типичное, но и необычные случаи, например церемонию посвящения папой римским одного из священников в кардиналы (на ней Вера оказалась вместе с принявшей католичество тетей Толей) или экзамен в американский госпиталь (ради него девушка выучила за месяц английский язык).

Все вышесказанное позволяет утверждать, что в автобиографической прозе Андреевой разворачивается достаточно масштабная картина повседневной европейской жизни 1920-х годов, увиденная глазами юной русской эмигрантки.

В заключение отметим, что тексты писательницы заслуживают внимания и с точки зрения развития стиля автобиографических источников. Проза Андреевой легко и с интересом читается, поскольку автор

использует различные приемы привлечения внимания. Многие события и персонажи воспоминаний (в том числе сама рассказчица) описываются с юмором и иронией. В произведениях Веры Леонидовны есть лирические отступления (сны, размышления), в оформлении которых сквозят экспрессионистские мотивы начала XX в., например: «Мне часто снится один и тот же сон. Он преследует меня. Стоит мне уснуть, как знакомое чувство тревоги охватывает душу. Делается душно, и больно колотится сердце. Я знаю, что сейчас будет» [4, с. 5]. Время от времени автор прибегает к вставке фрагментов из чужих эго-документов: дневников матери и отца, писем М.И. Цветаевой, брата Саввы и т.д. Эти источники помогают рассказать о том, что писательница не наблюдала сама, но считает ценным для полноты создаваемой картины.

Конечно, невозможно в рамках одной статьи осветить все нюансы такого достаточно объемного источника. Если продолжать его изучение, то можно было бы сконцентрировать внимание на гендерном аспекте воспоминаний, более пристально изучить фрагменты, посвященные творческому, бытовому или межкультурному дискурсам. Однако цель показать автобиографическую прозу Андреевой как интереснейший источник по истории культуры XX века, на наш взгляд, в итоге была достигнута.

Литература

1. Андреев, В. Л. Детство / В. Л. Андреев. – Москва : Советский писатель, 1963. – 291 с.
2. Андреева, В. Л. Дом на Черной речке / В. Л. Андреева. – Москва : Советский писатель, 1974. – 199 с.
3. Андреева, В. Л. Дом на Черной речке / В. Л. Андреева. – Москва : Советский писатель, 1980. – 183 с.
4. Андреева, В. Л. Эхо прошедшего / В. Л. Андреева. – Москва : Советский писатель, 1986. – 384 с.
5. Анна Ильинична Андреева. – URL: <https://corpus.prozhitto.org/person/3190> (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.
6. Боева, Г. Н. О доме как жизнестроительной практике модерна (дом Леонида Андреева на Черной речке) / Г. Н. Боева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1 (51). – С. 235–239.
7. Валентин Леонидович Андреев. – URL: <https://turgenevmus.ru/valentin-leonidovich-andreev/> (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.
8. Вера Леонидовна Андреева-Рыжкова. – URL: <http://turgenevmus.ru/vera-leonidovna-andreeva-ryzhkova> (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.
9. Интервью с Ириной Андреевой. URL: http://www.rodon.org/andreev/_isia.htm (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.
10. Кен, Л. Н. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками / Л. Н. Кен, Л. Э. Рогов. – Санкт-Петербург : ООО «Издательско-полиграфическая компания КОСТА», 2010. – 432 с.
11. Лежен, Ф. Когда кончается литература? / Ф. Лежен // Автобиографическая практика в России и во Франции / под редакцией К. Вьолле, Е. Гречаной. – Москва : ИМЛИ РАН, 2006. – С. 261–275.
12. Николина, Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н. А. Николина. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 422 с.
13. Ньюбина, Л. М. Человек вспоминающий / Л. М. Ньюбина // Человек. – 2010. – № 2. – С. 107–114.

14. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь : в 3 томах / под редакцией Н. Н. Скатова. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 1. – 733 с.

15. Савва Леонидович Андреев. – URL: <https://turgenyus.ru/savva-leonidovich-andreev/> (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.

16. Цветаева, М. И. Письма к Анне Тесковой / М. И. Цветаева. – Санкт-Петербург : Внешторгиздат, 1991. – 189 с.

17. Центр «Прожито» ЕУСПб. – URL: <https://prozhito.org> (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.

R.L. Krasilnikov

**AUTOBIOGRAPHICAL PROSE BY V.L. ANDREEVA
AS A SOURCE ON CULTURAL HISTORY**

The article is devoted to the autobiographical prose of Vera Leonidovna Andreeva (1910–1986), the daughter of Leonid Nikolaevich Andreev, as a source of information about the cultural history of the twentieth century, including the fate of the writer's family and their participation in the life of the first wave of Russian emigration.

Autobiographical prose, Vera Leonidovna Andreeva, Leonid Nikolaevich Andreev, Russian emigration of the first wave, source study, cultural history.